

16 октября 1941 года - секретный день российской истории

Обычно Сталин просыпался очень поздно и приезжал с дачи в Москву, в Кремль, часам к двенадцати. В ночь на 15 октября 1941 года он, видимо, почти не спал и распорядился собрать Политбюро необычно рано. Охранникам пришлось их будить.

В эти октябрьские дни в обороне Москвы возникла огромная брешь в пятьсот километров, которую нечем было заполнить. В любой день немецкие войска могли прорваться в город.

В девять утра члены Политбюро собрались в кабинете вождя. Сталин объявил, что всем нужно сегодня же, то есть пятнадцатого вечером, эвакуироваться. Он сам уедет из города на следующее утро, то есть 16 октября.

Страна зависела от Сталина. Когда он объявил, что руководство страны покидает столицу, все, кто узнал об этом, поспешили исполнить указание вождя. Они делились пугающей информацией со всеми знакомыми, и весть об оставлении города распространилась мгновенно. Началось нечто неопишное.

Самый страшный день

Утром 16 октября в Москве впервые за всю историю метрополитена его двери не открылись. Метро не работало. Поступил приказ демонтировать и вывезти все оборудование. Закрытые двери метро сами по себе внушали страх и панику. Метро — самое надежное транспортное средство. Главное убежище во время ежедневных налетов авиации врага. Уж если метро прекратило работу, значит, город обречен...

Жителям никто не сообщал, что происходит. Власть, занятая собственным спасением, забыла о своем народе. В Москве не топили. Закрылись поликлиники и аптеки.

Руководителей страны и города охватил страх. Стала ясна слабость системы, казавшейся столь твердой и надежной, безответственность огромного и всевластного аппарата, трусость сталинских выдвиженцев. Думали только о собственном спасении, бежали с семьями и личным имуществом и бросали столицу на произвол судьбы. Организованная эвакуация превратилась в повальное бегство.

Лев Ларский скоро уйдет на фронт, после войны станет художником. А осенью сорок первого он еще учился в десятом классе 407-й московской школы. Утром 16 октября он оказался на шоссе Энтузиастов:

«Я стоял у шоссе, которое когда-то называлось Владимирским трактом. По знаменитой Владимирке при царизме гоняли в Сибирь на каторгу революционеров — это мы проходили по истории. Теперь революционеры-большевики сами по нему бежали на восток — из Москвы. В потоке машин, несшемся от Заставы Ильича, я видел заграничные лимузины с «кремлевскими» сигнальными рожками: это удирало Большое Партийное начальство! По машинам я сразу определял, какое начальство драпает: самое высокое — в заграничных, пониже — в наших «эмках», более мелкое — в старых «газиках», самое мелкое — в автобусах, в машинах «скорой помощи», «Мясо», «Хлеб», «Московские котлеты», в «черных воронах», в грузовиках, в пожарных машинах...

А рядовые партийцы бежали пешком по тротуарам, обочинам и трамвайным путям, таща чемоданы, узлы, авоськи и увлекая личным примером беспартийных... В потоке беженцев уже все смешалось: люди, автомобили, телеги, тракторы, коровы — стада из пригородных колхозов гнали!.. В три часа на мосту произошел затор. Вместо того чтобы спихнуть с моста застрявшие грузовики и ликвидировать пробку, все первым делом бросались захватывать в них места. Форменный бой шел: те, кто сидел на грузовиках, отчаянно отбивались от нападавших, били их чемоданами прямо по головам...

Атакующие лезли друг на друга, врывались в кузова и выбрасывали оттуда оборонявшихся, как мешки с картошкой. Но только захватчики успевали усесться, только машины пытались тронуться, как на них снова

бросалась следующая волна... Ей богу, попав впоследствии на фронт, я такого отчаянного массового героизма не наблюдал...»

Облик города, оставленного властью, пораженного страхом и безнадежностью, мгновенно изменился. Во второй половине дня начался хаос. Разбивали витрины магазинов, вскрывали двери складов. Тащили все под лозунгом: не оставлять же добро немцам. Анархия неминуема там, где нет власти. Но, вообще говоря, в Москве власть не менялась. Сколько бы чиновников ни сбежало, оставалось еще предостаточно. В городе полно было чекистов, милиции, войск. Но никто ни во что не вмешивался.

Во власти толпы

Начальник московского управления Наркомата внутренних дел старший майор госбезопасности Михаил Иванович Журавлев докладывал своему начальству в наркомате:

«16 октября 1941 года во дворе завода «Точизмеритель» имени Молотова в ожидании зарплаты находилось большое количество рабочих. Увидев автомашины, груженные личными вещами работников Наркомата авиационной промышленности, толпа окружила их и стала растаскивать вещи. Разъяснения находившегося на заводе оперработника Молотовского райотдела НКВД Ныrkова рабочих не удовлетворили. Ныrkову и директору завода рабочие угрожали расправой...»

На Ногинском заводе № 12 группа рабочих напала на ответственных работников одного из главков Наркомата боеприпасов, ехавших из города Москвы по эвакуации, избивала их и разграбила вещи...

Директор фабрики «Рот Фронт» (Кировский район города Москвы) Бузанов разрешил выдать рабочим имевшиеся на фабрике печенье и конфеты. Во время раздачи печенья и конфет между отдельными пьяными рабочими произошла драка. По прибытии на место работников милиции порядок был восстановлен».

Начальство действовало по принципу «спасайся кто может». Многие руководители, загрузив служебные машины вещами и продуктами, пробивались через контрольные пункты или объезжали их и устремлялись на Рязанское и Егорьевское шоссе. Все остальные пути из Москвы или уже были перекрыты немецкими войсками, или обстреливались. По Рязанскому шоссе шли толпы. Начался исход из Москвы...

Писатель Аркадий Алексеевич Первенцев тоже пытался уехать из города вместе с женой. Он был писателем более чем процветающим, имел собственную машину с шофером. Но дорогу перекрыла огромная толпа:

«Несколько человек бросились на подножки, на крышу, застучали кулаками по стеклу. Под ударами кулаков рассыпалось и вылетело стекло возле шофера. Машину схватили десятки рук и сволокли на обочину, какой-то человек поднял капот и начал рвать электропроводку. Десятки рук потянулись в машину и вытащили жену.

Красноармейцы пытались оттеснить толпу, но ничего не получилось. Толпа кричала, шумела и приготовилась к расправе. Я знаю нашу русскую толпу. Эти люди, подогретенные соответствующими лозунгами 1917 года, растащили имения, убили помещиков, бросили фронт, убили офицеров, разгромили винные склады... Это ужасная толпа предместий наших столиц, босьяки, скрытые двадцать лет под фиговым листком профсоюзов и комсомола. Армия, защищавшая шоссе, была беспомощна. Милиция умыла руки. Я видел, как грабили машины, и во мне поднялось огромное чувство ненависти к этой стихии.

Я посмотрел на их разъяренные, страшные лица, на провалившиеся щеки, на черные, засаленные пальто и рваные башмаки, и вдруг увидел страшную пропасть, разъединявшую нас, сегодняшних бар, и этих пролетариев. Они видели во мне барина, лучше жившего во времена трагического напряжения сил при всех невзгодах пятилеток и сейчас позорно бросающего их на произвол судьбы».

Советский человек превратился вовсе не в носителя высокой морали, самоотверженного и бескорыстного труженика. Жизнь толкала его в противоположном направлении. О революционных идеалах твердили с утра до вечера. Но люди видели, что никакого равенства нет и в помине.

Аркадий Первенцев показал документы. Настроение толпы изменилось. Его, как писателя, пропустили. Украли, правда, пиджак и теплые унты на волчьем меху, об утрате которых он будет потом сильно сожалеть. Вошедшая во вкус толпа бросилась грабить очередной правительственный автомобиль ЗИС-101:

«Из него летели носовые платки, десятки пар носков и чулок, десятки пачек папирос. ЗИС увозил жирного человека из каких-то государственных деятелей, его жену в каракулевом саке и с черно-бурой лисой на плечах. Он вывозил целый магазин. Из машины вылетел хлеб и упал на дорогу. Какой-то человек в пальто

прыгнул к этому хлебу, поднял его и начал уписывать за обе щеки...»

Взорвать город!

Сталин распорядился подготовить к взрыву основные промышленные предприятия и другие важнейшие объекты Москвы. 10 октября взрывчатка была доставлена на заводы. Уничтожению подлежали не только предприятия оборонной промышленности, но и хлебозаводы, холодильники, мясокомбинаты, вокзалы, трамвайные и троллейбусные парки, мосты, электростанции, а также здания ТАСС, Центрального телеграфа и телефонные станции... Иначе говоря, жизнь в городе должна была стать невозможной. Рабочие увидели, что предприятия готовят к уничтожению. Информация о том, что они заминированы и могут быть взорваны в любую минуту, подбавила масла в огонь.

Из докладной в Наркомат внутренних дел:

«На заводе № 8 около тысячи рабочих пытались проникнуть во двор. Отдельные лица при этом вели резкую контрреволюционную агитацию и требовали разминировать завод.»

В связи с тем, что на заводе № 58 не была выдана зарплата, рабочие ходили толпами, требуя денег. Со стороны отдельных рабочих имели место выкрики: «Бей коммунистов!» и др.».

17 октября передовые части вермахта достигли Химок. До Москвы немцам оставалось девятнадцать километров. Профессор-литературовед Леонид Тимофеев записал в дневнике:

«Для партии и вообще руководства день 16 октября можно сравнить с 9 января 1905 года. Население не скрывает своего враждебного и презрительного отношения к руководителям, давшим образец массового безответственного и, так сказать, преждевременного бегства. Это им массы не простят».

Драпали все. И в те годы появилась злая шутка. Спрашивается:

— На какой ленточке медаль «За оборону Ленинграда»?

Ответ:

— На муаровой.

— А медаль «За оборону Москвы»?

— На драповой!..

Люди в страхе бросились на вокзалы и штурмовали уходившие на восток поезда.

«17 октября. Курский вокзал, — вспоминал полковник-артиллерист Павел Коваленко. — В зале вокзала негде ступить — все лестницы, где можно только поставить ногу, заполнены живыми телами, узлами, корзинами... Ожил в памяти 1919 год — год разгара Гражданской войны, голода, разрухи и тифа...»

Журналист Николай Вержбицкий записывал в дневнике горькие наблюдения:

«18 октября. Все ломают головы над причинами паники, возникшей накануне. Кто властный издал приказ о закрытии заводов? О расчете с рабочими? Кто автор всего этого кавардака, павального бегства, хищений, смятения в умах? Кипит возмущение, громко говорят, кричат о предательстве, о том, что «капитаны первыми сбежали с кораблей», да еще прихватили с собой ценности... У рабочих злорадность против головки, которая бежала в первую очередь».

Истерика наверху передалась массе. Начинают вспоминать и перечислять все обиды, притеснения, несправедливости, зажим, бюрократическое издевательство чиновников, зазнайство и самоуверенность партийцев, драконовские указы, лишения, систематический обман масс, газетную брехню подхалимов и славословие...

Страшно слушать. Говорят кровью сердца. Неужели может держаться город, у которого такое настроение? И опять — все в тумане. В очередях драки, душат старух, давят в магазинах, бандитствует молодежь, а милиционеры слоняются по тротуарам и покурявают. «Нет инструкций...» Да, 16 октября 1941 года войдет позорнейшей датой, датой трусости, растерянности и предательства в историю Москвы. И кто навязал нам эту дату, этот позор? Люди, которые трубили о героизме, негибамости, долге, чести...»

Кто тут главный трус?

В учреждениях отделы кадров жгли архивы, уничтожали документы и телефонные справочники. Зато бросили действительно секретные документы, которые не должны были попасть в руки врага. Сотрудники обкома и горкома партии первыми благополучно смылись из столицы. 17 октября вечером они были уже в полной безопасности, в Горьком. Личный багаж прихватили, а казенный потеряли.

18 октября заместитель наркома внутренних дел Серов доложил Берии:

«Сегодня, в 15 часов, при обходе тоннеля Курского вокзала работниками железнодорожного отдела милиции было обнаружено тринадцать мест бесхозяйственного багажа. При вскрытии багажа оказалось, что там находятся секретные пакеты МК ВКП (б), партийные документы: партбилеты и учетные карточки, личные карточки на руководящих работников МК, МГК, облисполкома и областного управления НКВД, а также на секретарей райкомов города Москвы и Московской области».

Перепуганные сотрудники московского партаппарата бросили на Курском вокзале самые секретные материалы. Если бы немцы вошли в город и эти ящики попали в руки гестапо, все оставшиеся в городе видные члены партии были бы обречены на уничтожение.

В тот же день, 18 октября, начальник московской милиции Романченко доложил заместителю наркома Серову:

«Распоряжением Московского комитета ВКП (б) и Московского совета о расчете рабочих предприятий, кои подлежат уничтожению, и об эвакуации партийного актива жизнь города Москвы в настоящее время дезорганизована... Районные комитеты партии и райсоветы растерялись и фактически самоустранились от управления районом... Считаю необходимым предложить горкому партии временно прекратить эвакуацию партийного актива».

Чекисты не без злорадства сообщали, что партийные чиновники драпанули и бросили город на произвол судьбы. Аппаратчики же считали, что чекисты к ним несправедливы. Московские руководители валили вину друг на друга.

Второй секретарь горкома партии Георгий Попов возложил вину на своего прямого руководителя — первого секретаря Московского обкома и горкома Александра Щербакова:

«Я поехал в Московский комитет партии. Там было безлюдно. Навстречу мне шла в слезах буфетчица Оля. Я спросил ее, где люди. Она ответила, что все уехали. Я вошел в кабинет Щербакова и задал ему вопрос, почему нет работников на своих местах. Он ответил, что надо было спасать актив. Людей отвезли в Горький. Я поразился такому ответу и спросил: а кто же будет защищать Москву?»

Мы стояли друг против друга — разные люди, с разными взглядами. В тот момент я понял, что Щербаков был трусливым по характеру».

Из секретной справки горкома партии:

«Из 438 предприятий, учреждений и организаций сбежало 779 руководящих работников. Бегство отдельных руководителей предприятий и учреждений сопровождалось крупным хищением материальных ценностей и разбазариванием имущества. Было похищено наличными деньгами за эти дни 1 484 000 рублей, а ценностей и имущества на сумму 1 051 000 рублей. Угнано сотни легковых и грузовых автомобилей».

Заведующий организационно-инструкторским отделом горкома партии Сергей Наголкин представил Щербакову записку: «О фактах уничтожения партийных билетов 16—17 октября 1941 года в Москве»: «Выявлен 1551 случай уничтожения коммунистами своих партийных документов. Большинство коммунистов уничтожили партдокументы вследствие трусости в связи с приближением фронта».

Страх охватил даже аппарат ЦК партии, который требовал от всей страны и от армии самопожертвования: ни шагу назад! Умереть, но не отступить!.. Так должны были поступить все остальные. Только не они сами.

Заместитель начальника 1-го отдела НКВД (охрана руководителей партии и правительства) старший майор госбезопасности Шадрин доложил заместителю наркома внутренних дел Меркулову:

«После эвакуации аппарата ЦК ВКП (б) охрана 1-го Отдела НКВД произвела осмотр всего здания ЦК. В результате осмотра помещений обнаружено:

1. Ни одного работника ЦК ВКП (б), который мог бы привести все помещение в порядок и сжечь имеющуюся секретную переписку, оставлено не было.
2. Все хозяйство: отопительная система, телефонная станция, холодильные установки, электрооборудование и т.п. оставлено без всякого присмотра.
3. Пожарная команда также полностью вывезена. Все противопожарное оборудование было разбросано.
4. Все противохимическое имущество, в том числе больше сотни противогазов «БС», валялось на полу в комнатах.
5. В кабинетах аппарата ЦК царил полный хаос. Многие замки столов и сами столы взломаны, разбросаны бланки и всевозможная переписка, в том числе и секретная, директивы ЦК ВКП (б) и другие документы.
6. Вынесенный совершенно секретный материал в котельную для сжигания оставлен кучами, не сожжен.
7. Оставлено больше сотни пишущих машинок разных систем, 128 пар валенок, тулупы, 22 мешка с обувью и носильными вещами, несколько тонн мяса, картофеля, несколько бочек сельдей и других продуктов.
8. В кабинете товарища Жданова обнаружены пять совершенно секретных пакетов...»

Начальники без оглядки бежали из Москвы, считая, что война проиграна. Поразительно, какими трусливыми они все оказались. Бежали, даже не видя врага, те самые люди, которые других отправляли умирать на поле боя! Запрещали сдаваться в плен даже в безвыходной ситуации — требовали застрелиться!

В ожидании Гитлера?

У многих москвичей было ощущение конца света. Ожидали краха и распада России. Или, во всяком случае, падения советской власти. По существу, город был брошен на произвол судьбы.

«Когда паника была, во дворе сжигали книги Ленина, Сталина, — рассказывала Антонина Котлярова. В сорок первом она окончила восемь классов и поступила токарем на станкостроительный завод имени Серго Орджоникидзе. — Паника была ужасной. Видела, как по мосту везут на санках мешками сахар, конфеты. Всю фабрику «Красный Октябрь» обокрали. Мы ходили на Калужскую заставу, кидались камнями в машины, на

которых начальники уезжали...»

Вечером 16-го и весь день 17 октября рвали и жгли труды Ленина, Маркса и Сталина, выбрасывали портреты и бюсты вождя в мусор.

Вот эти рассказы — самое поразительное свидетельство реальных чувств и настроений многих людей. В стране победившего социализма, где толпы ходили под красными знаменами и восторженно приветствовали вождей, в одночасье — и с невероятной легкостью! — расставались с советской жизнью.

Сталин словно растворился. А с ним — партийный аппарат. Куда-то пропали чекисты, попрятались милиционеры. Режим разваливался на глазах. Он представлялся жестким, а оказался просто жестоким. Выяснилось, что система держится на страхе. Исчез страх, а с ним — и советская власть.

Картину дополняет историк литературы Эмма Герштейн:

«Кругом летали, разносимые ветром, клочья рваных документов и марксистских политических брошюр. В женских парикмахерских не хватало места для клиенток, «дамы» выстаивали очередь на тротуарах. Немцы идут — надо прически делать».

Далеко не все москвичи боялись прихода немцев. Эмма Герштейн вспоминает, как соседи в доме обсуждали вопрос: уезжать из Москвы или оставаться? Собрались друзья и соседи и уговаривали друг друга никуда не бежать:

«Языки развязались, соседка считала, что после ужасов 1937-го уже ничего хуже быть не может. Актриса Малого театра, родом с Волги, красавица с прекрасной русской речью, ее поддержала.

— А каково будет унижение, когда в Москве будут хозяйничать немцы? — сомневаюсь я.

— Ну так что? Будем унижаться вместе со всей Европой, — невозмутимо ответила волжанка».

Многое, что связано с этим днем, по-прежнему держится в секрете. Большинство документов, даже протоколы заседаний бюро горкома и обкома партии, в московском партийном архиве все еще нераскрыто. За трусость, преступную в военное время, наказали очень немногих. И не тех, кто едва не сдал город. Сталин, который никому и ничего не прощал, по существу, повелел забыть октябрьский позор. Иначе пришлось бы признать, что знаменитых сталинских наркомов как ветром сдуло из города, что партийные секретари праздновали труса, что вознесенные им на вершину власти чиновники оказались ни на что не годными, что вся созданная им политическая система едва не погубила Россию...

«Набросайте план отхода»

В дни, когда очень многих охватывали отчаяние и страх, когда люди как никогда нуждались в поддержке, мысли москвичей точно обращались к Сталину: где он, почему молчит?

16 октября, колеблясь, решая для себя, что делать, Сталин потребовал ответа на главный вопрос у командующего Западным фронтом Жукова: смогут ли войска удержать Москву? Георгий Константинович ответил, что он в этом не сомневается.

— Это неплохо, что у вас такая уверенность, — сказал довольный Сталин.

Он боялся уезжать из Москвы. Понимал, какое это произведет впечатление: многие и в стране, и за границей решат, что Советский Союз войну проиграл. Покинув Москву, Сталин вообще мог утратить власть над страной. Пока он в Кремле, он — вождь великой страны. Как только сядет в поезд — превратится в изгнанника. Тем не менее Сталин приказал Жукову:

— Все же набросайте план отхода войск фронта за Москву, но только чтобы кроме вас, Булганина и Соколовского никто не знал о таком плане, иначе могут понять, что за Москву можно и не драться. Через пару дней привезите разработанный план.

Заместитель главы правительства Николай Булганин был у Жукова членом военного совета фронта, генерал-лейтенант Василий Соколовский — начальником штаба. Составленный ими план Сталин утвердил без поправок.

Готовы умереть в бою

Когда бездарные и неудачливые генералы потеряли свои войска, когда большие начальники позорно бежали из столицы, когда одни готовились встретить немцев, а некоторые дамы устремились в парикмахерские — делать прически, другие сказали себе: «Это мой город, немцы войдут в него только через мой труп». Они занимали боевые позиции по всей Москве. Москвичи не испугались, не струсил, не отдали себя на милость Гитлера. Они собирались сражаться за каждый квартал, за каждую улицу и дом.

То, что сделала тогда столичная молодежь, считавшаяся изнеженной и не готовой к суровым испытаниям, заслуживает высочайшего уважения. Московская молодежь стала живым щитом, заслонившим город. Сколько славных, талантливых, не успевших раскрыться молодых людей погибло тогда в боях.

Учившиеся на историческом факультете ИФЛИ Александр Зевелев и его друзья вступили в Отдельную мотострелковую бригаду особого назначения. В те октябрьские дни бригада заняла позиции в центре Москвы.

«Строим, с песней идем по улице Горького — сектору обороны, порученному нашему взводу, — вспоминал Александр Израилевич. — В недостроенном здании — напротив редакции газеты «Известия» — мы с Феликсом Курлатом оборудуем пулеметное гнездо. В расчете я — номер один, Феликс — номер два».

Среди бойцов бригады особого назначения был будущий академик Александр Ефимович Шейндлин:

«Мы получили винтовки старого образца. Некоторым из нас выдали маузеры в деревянных кобурах явно дореволюционного времени. Наше отделение состояло в основном из старшекурсников Института истории, философии и литературы. Моими товарищами оказались будущие поэты Семен Гудзенко и Юрий Левитанский.

Нас разбили на группы для охраны различных районов Москвы. До прихода нашей части даже мосты через Москву-реку не охранялись. Наша группа патрулировала нынешнюю Тверскую улицу».

Я представляю себе, о чем думали и что ощущали юноши, которые заняли свой первый боевой рубеж в самом центре нашего города. В Москве нашлось много людей, которые сказали себе: немцы не пройдут. Они и не прошли...

Автор: Леонид Млечин © Babr24.com Источник: ehorussia.com ИСТОРИЯ, РОССИЯ 👁 17859
19.10.2015, 23:03 🔄 2069

URL: <https://babr24.com/?ADE=139608> Bytes: 22902 / 22800 Версия для печати

👍 [Порекомендовать текст](#)

Поделиться в соцсетях:

Также читайте эксклюзивную информацию в соцсетях:

- [Телеграм](#)

- [ВКонтакте](#)

Связаться с редакцией Бабра:

newsbabr@gmail.com

Автор текста: **Леонид
Млечин.**

НАПИСАТЬ ГЛАВРЕДУ:

Телеграм: [@babr24_link_bot](#)

Эл.почта: newsbabr@gmail.com

ЗАКАЗАТЬ РАССЛЕДОВАНИЕ:

эл.почта: bratska.net.net@gmail.com

КОНТАКТЫ

Бурятия и Монголия: Станислав Цырь

Телеграм: @bur24_link_bot
эл.почта: bur.babr@gmail.com

Иркутск: Анастасия Суворова
Телеграм: @irk24_link_bot
эл.почта: irkbabr24@gmail.com

Красноярск: Ирина Манская
Телеграм: @kras24_link_bot
эл.почта: krasyar.babr@gmail.com

Новосибирск: Алина Обская
Телеграм: @nsk24_link_bot
эл.почта: nsk.babr@gmail.com

Томск: Николай Ушайкин
Телеграм: @tomsk24_link_bot
эл.почта: tomsk.babr@gmail.com

[Прислать свою новость](#)

ЗАКАЗАТЬ РАЗМЕЩЕНИЕ:

Рекламная группа "Экватор"
Телеграм: @babrobot_bot
эл.почта: equatoria@gmail.com

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО:

эл.почта: babrmarket@gmail.com

[Подробнее о размещении](#)

[Отказ от ответственности](#)

[Правила перепечаток](#)

[Соглашение о франчайзинге](#)

[Что такое Бабр24](#)

[Вакансии](#)

[Статистика сайта](#)

[Архив](#)

[Календарь](#)

[Зеркала сайта](#)